

Маленькие переводчики

Из заметок преподавателя английского

— Мам!.. Мам!.. Ну мама же!
Из последних сил пытаюсь сосредоточиться на статье о преподавании английского языка, которую мне надо написать...

— Мам! А правда, что дельфины кормят своих детенышей молоком?

— Правда. Поэтому они и называются млекопитающие. Не мешай. Видишь, я работаю.

— А мамы-дельфинихи на берег выходят, когда кормят маленьких дельфинчиков?

— Нет, конечно! Ну пойдй, поиграй. Ты ведь мне мешаешь!

В десятый раз, ничего не понимая, перечитываю только что мной же написанную строку.

— Что же это за ерунда получается? — спрашивает сын.

Думая о своем, автоматически соглашаюсь:

— Да... Ничего не выходит... Пойди, пойди, ты о чем?

— Да о дельфинчиках же! Как это они пьют молоко под водой? Им ведь морская вода в рот попадает!

— Солнышко! О дельфинчиках мы с тобой как-нибудь в другой раз поговорим, а сейчас мне поработать надо! Пойди лучше посмотри, что там по телевизору показывают.

Телевизор — это, конечно, непедagogичный, но весьма веский аргумент, и сын оставляет меня в покое. Ну вот, сейчас все пойдет как по маслу. Здесь надо вставить что-нибудь из Роальда Даля... Что у меня есть? Почитаем. По экрану компьютера побежали строчки «Песни про Майка Телика» в переводе Марка Фрейдкина:

Из всех аспектов воспитанья
Хотим мы (взрослым
в назиданье)

Отметить, что любая мать
Должна и близко не пускать
Детей к экрану голубому.
А лучше и совсем из дому
Убрать зловредный агрегат
Подальше от своих ребят.
Ведь что творится в нашем мире
Практически в любой квартире?
Везде, куда ни бросишь взгляд,
Мы видим, что они сидят,
Уткнув носы в телеэкраны,
И, как безмозглые бараны...

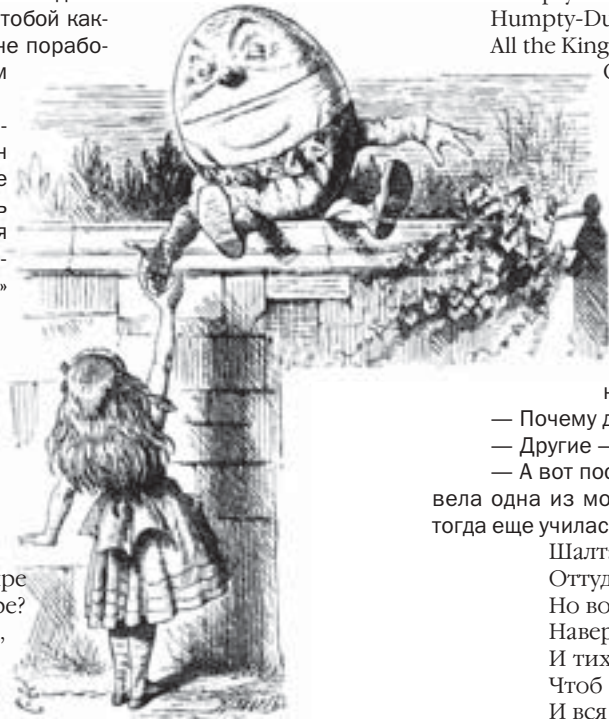
Я в недоумении уставилась на экран. Это совпадение или знак свыше? На душе стало как-то неуютно... Но мне просто необходимо закончить сегодня эту статью! Я прислушалась. Слышны были отдаленные взрывы и крики. Принято считать, и небезосновательно, что дети учителей — самые бездомные...

Ну уж нет! Я окликнула бедного ребенка. Нет, он не примчался на крыльях сыновней любви, он был даже очень и очень недоволен: прогоняли, прогоняли, а теперь вдруг на самом интересном месте... Но я была настроена решительно. «Ничего, мой дорогой, мы сейчас попробуем совместить приятное с полезным!» — с этой мыслью я извлекла из глубин своего старенького книжного шкафа большой том «Песен Матушки Гусыни».

— Вот посмотри, что я тебе покажу!

И я открыла страницу, на которой был изображен смешной человечек в котелке и фраке, сидящий на кирпичной стене.

Татьяна Зельдович

Шалтай-Болтай в изображении английского художника Джона Тенниела — он нарисовал его для кэрролловской «Алисы в Зазеркалье». Шалтай-Болтай сидел там «на стене такой тонкой, что Алиса только диву далась, как это он не падает». И упал же в конце концов, если верить песенке!

— Знаешь, кто это?
Сын заинтересовался, но явно все еще жаждал вернуться к телевизору.

— Это сказочный человечек Шалтай-Болтай! Он живет в одном удивительном королевстве.

— В каком?
Сын явно был заинтригован. Конечно! Ведь королевства — его любимая тема для разговоров.

— В сказочном королевстве. Стоит тебе взять с полки книгу и открыть ее, как ты попадешь прямо туда и встретишь разных его жителей... Вот, например, Шалтая-Болтая.

Пока сын рассматривал картинку, я достала другую книгу английских народных песенок.

— А теперь посмотри сюда. Кто это?

— Толстый мальчишка, штаны еле-еле на животе сходятся. Сидит на заборе и улыбается.

— Это не забор, а стена. А этот, как ты говоришь, толстый мальчишка — Шалтай-Болтай!

Сын недоверчиво помотал головой.

— Вот же Шалтай-Болтай! На этой картинке! — И он ткнул пальцем в первую книгу.

— И этот, и тот, и еще много других. В королевстве детской литературы их каждый видит по-своему. Ты тоже можешь нарисовать своего Шалтая-Болтая. Но сначала послушай про него стишок:

Humpty-Dumpty sat on a wall,
Humpty-Dumpty had a great fall;
All the King's horses and all the King's men
Couldn't put Humpty together again.

— Но я же ничего не понимаю! — возмутился сын.

— Прости, я забыла тебе сказать, что Шалтай-Болтай — персонаж английских народных песенок.

И чтобы познакомиться с ним поближе, стихотворение про него надо перевести на русский язык.

— А ты можешь?

— Могу. И ты сможешь.

— Не-е... Я не смогу... — протянул сын.

— Почему другие могут, а ты нет?

— Другие — взрослые, взрослые все могут!

— А вот послушай, как это стихотворение перевела одна из моих учениц — Лена Медведева, она тогда еще училась в школе, и ей было тринадцать лет:

Шалтай-Болтай на стенке сидел.
Оттуда он слезать не хотел.
Но вот однажды он упал,
Наверное, что-то себеломал
И тихо-тихо прошептал,
Чтоб вся королевская конница
И вся королевская рать
Пришли поскорее его собирать,
В дальнейшем беречь и не ломать.

— Тринадцать лет — это тоже очень много! — вздохнул сын.

— А вот это же стихотворение в переводе твоей сестры. Когда она его перевела, она была не старше тебя, ей тоже было семь:

Шалтай-Болтай сидел и пел.
И вдруг он свалился и сразу разбился
На мелкие части. Какое несчастье!
Вся королевская армия, вся
королевская конница

Не могут... Помогут! Помогут? Не могут...
Шалтаю-Болтаю опомнисься.

Сын окончательно забыл про свои стрелялки.

— А еще?
— А еще ее подружка Саша Гринько перевела стихотворение про овечку. Послушай сначала оригинал:

Baa, baa, black sheep,
Have you any wool?
Yes, sir, yes, sir,
Three bags full;
One for the master,
And one for the dame,
And one for the little boy,
Who lives down the lane.

Теперь перевод:

Черная овечка, дашь ли ты мне шерсть?
Я выйду на крыльечко — дам тебе постель.
Да, господин, да, господин.
Дам три мешка, а не один.

А вот стихотворение о звезде:
Twinkle, twinkle, little star.
How I wonder what you are!
Up above the world so high,
Like a diamond in the sky!

Автору несколько вольного перевода этого стихотворения, Лене Сеницыной, было всего восемь лет:

Мерцает малая звезда!
В ночи она сверкает ярче солнца!
Но чуть настало утро, она исчезла
на заре,

И появилось солнце!
Настанет вечер, и она опять заблещет.
Как ты прекрасна, яркая звезда!
Мне ночью кажется — ты ярче солнца!

Ну и еще один народный английский стишок:

Tweedledum and Tweedledee
Agreed to have a battle;
For Tweedledum said Tweedledee
Had spoiled his nice new rattle.
Just then flew down a monstrous crow
As black as a tar-barrel
Which frighten both the heroes so,
They quite forgot their quarrel.

И его перевод, сделанный тринадцатилетней Ксенией Куриловой:

Раз До-ре-ми и Фа-соль-ля
Устроили бои.
Не поделили, говорят,
Игрушечки свои.
Кричат: «Игрушки мне верни!»
Но дождь, и грянул гром.
Вот тут-то поняли они,
Что спор был ни о чем.

Не хочешь послушать английскую считалку?

Army, Navy
Medicine, Law,
Church, Nobility,
Nothing at all!

Твой ровесник Гордей перевел ее и, наверное, удивил своих приятелей, когда они перед игрой принались считать:

Армия, флот,
Медицина, закон,
Церковь, дворяне,
А ты выйди вон!

А вот еще одна считалка:

Penny on the water,
Twopence on the sea,
Threepence on the railway,
Out goes he (she).

Семилетняя Кристина перевела ее так:

Одна монетка на воде,
Две монетки в море,
На железной на дороге —
Целых три!
Вы-хо-ди!

У сына уже заблестели глаза.
— Я тоже хочу! Я тоже могу! Вот:

Карусей, карусей —
Подарок для детей!

— Ну, во-первых, не «карусей», а «карусель», а во-вторых, если все-таки «карусель», то где же здесь рифма? Мы с тобой «Приключения Незнайки и его друзей» читали, ты ведь что такое «рифма», помнишь?

— Помню, конечно! Это когда слова заканчиваются одинаково, но «палка» — «сеledка» — это не рифма. Рифма — это «печка» — «свечка», «книжка» — «шишка», «мама» — «дама».

— Молодец! Придумай-ка мне рифму на слово «четыре»?

— «Гири».

— Ничего... А еще?

— «Шире»... «В мире»... «В квартире»...

— А на слово «восемь»?

— «Носим»... «Косим»... «Просим»... «Доносим»...

— Ну, уж это ты что-то загнул!

— Ничего не загнул! Это когда не сразу контрольную работу сдают, а по листочку несут и несут — доносят, значит! Уже можно писать стихи?

— Нет, подожди еще. Будешь нетерпеливым, как Незнайка, и стихи у тебя такие же получатся. Что еще есть в каждом стихотворении?

— Что?

— А вот послушай:

One, two, three, four,
Mary at the cottage door,
Five, six, seven, eight,
Eating cherries off a plate.

— Я ничего не понял! — запротестовал сын. — Только раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь.

— Ты понял ровно половину стихотворения — это уже замечательно! Но я читала тебе стишок не для этого. Давай прохлопаем его. Что получится?

Пам, пам, пам, пам.

Пам-па, пам-па, пам-па, пам.

Пам, пам, пам, пам.

Пам-па, пам-па, пам-па, пам.

— У нас получилась музыка?

— Да. Это музыка стиха. Без нее стихотворение не будет стихотворением. Каждый раз, когда ты пишешь свое стихотворение или переводишь его с другого языка, ты должен следить за его музыкой. Для этого слова должны быть похожи: примерно одной длины, и ударение в них должно приходиться на одни и те же слоги. Давай попробуем?

Раз, два, три, четыре,

Мэри у дверей квартиры,

Пять, шесть, семь, восемь...

— Заходите, в гости просим!

— Молодец! Но, видишь ли, мы же с тобой не просто сочиняем свое стихотворение, а переводим с английского языка. А там в последней строчке говорится, что Мэри ест с тарелки вишенки, так что это нам хочешь не хочешь, а придется учитывать.

Сын на какое-то время задумался, наморщил, как полагается, лоб и выдал:

— Мы ей вишенки выносим!

— Ты несомненный талант! — похвалила я, про себя удивляясь, почему же все-таки «выносим», а не «подносим» или «приносим», например?

Ну да ладно! Суть схвачена верно, и мою работу можно считать спасенной! Сын, получив подстрочные переводы нескольких стихотворений, которые по каким-то неизвестным причинам ему приглянулись, уселся творить, счастливый. Удачи тебе, малыш!

Я же со спокойным сердцем (а как же: поиграла с ребенком, провела воспитательное мероприятие и обеспечила себе по крайней мере часа два тишины, не прибегая к помощи телевизора!) принялась дописывать свою статью.